

Обладатель Букеровской премии 2016 года

Отесса Мошфег

Эйлин

Москва
2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М87

Otessa Moshfegh

EILEEN

© 2015 by Otessa Moshfegh

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке *Ивана Хивренко*

Мошфег, Отесса.

М87 Эйлин / Отесса Мошфег ; [пер. с англ. М. В. Смирновой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 288 с. — (Букеровская премия. Обладатели и номинанты).

ISBN 978-5-699-95898-6

Эйлин Данлоп всегда считала себя несчастной и обиженной жизнью. Ее мать умерла после тяжелой болезни; отец, отставной полицейский в небольшом городке, стал алкоголиком, а старшая сестра бросила семью. Сама Эйлин, работая в тюрьме для подростков, в свободное время присматривала за своим полубезумным отцом. Часто она мечтала о том, как бросит все, уедет в Нью-Йорк и начнет новую жизнь. Однако мечты эти так и оставались пустыми фантазиями закомплексованной девушки. Но однажды в Рождество произошло то, что заставило Эйлин надеть мамино пальто, достать все свои сбережения, прихватить отцовский револьвер, запрыгнуть в старый семейный автомобиль — и бесследно исчезнуть...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Смирнова М.В., перевод
на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-95898-6

Я выглядела точь-в-точь как девушка, которую можно увидеть в любом городском автобусе. В руках библиотечная книга в ледериновом переплете — наверное, что-то о растениях или географии; на светло-каштановые волосы, вероятно, натянута тонкая нейлоновая сетка. Вы могли бы принять меня за студентку медицинского училища или машинистку, отметить нервные движения рук, постукивание ногой, прикушенную нижнюю губу. В моей внешности не было ничего необычного. Мне легко сейчас вообразить эту девушку: странную, молодую и тусклую версию меня самой. В руках — старомодная кожаная сумочка или маленький пакетик арахиса, который я ем по одному орешку, катая их между затянутыми в перчатку пальцами. Вот я втягиваю щеки и тревожно смотрю в окно. Утреннее солнце высвечивает тонкий пушок на лице, который я пыталась замаскировать при помощи компакт-пудры — слишком розового оттенка для моей бледной кожи. Я была тощей и угловатой, движения — ломкими и нерешительными, а поза — всегда неудобной, застывшей. У меня были крупные черты лица, а широкие, бросающиеся в глаза ямки от подростковых прыщей мешали увидеть, какая радость или безумие могли скрываться за этой убийственно-холодной новоанглийской внешностью. Если б я носила очки, то могла бы сойти за интеллигентку, но я была чересчур нетерпелива, чтобы быть по-настоящему интеллигентной. Можно было

бы решить, что мне нравится тишина закрытых комнат, что я ищу покоя в скучном безмолвии, что мой взгляд медленно скользит по газетам, стенам, тяжелым занавесам, но никогда по-настоящему не отрывается от того, что как-то выделяется в моих глазах, — от книги, стола, дерева, человека... Однако я не любила спокойствие. Я не любила тишину. Я ненавидела почти все. Я постоянно была ужасно несчастной и злой. Я пыталась справиться с собой, но это делало меня еще более неуклюжей, несчастливой и сердитой. Я была как Жанна д'Арк или Гамлет, но родилась в неправильной жизни — в жизни, где я была никем, ненужной, незаметной. Лучше и не скажешь: тогда я не была собой. Я была кем-то другим. Я была Эйлин.

И тогда — это было пятьдесят лет назад — я была ханжой. Просто посмотрите на меня тогдашнюю. Я носила плотные шерстяные юбки длиной ниже колена и толстые чулки. Я всегда застегивала свои пиджаки и блузки на все пуговицы. Я не была девушкой, на которую оглядываются прохожие. Однако в моей внешности не было ничего по-настоящему неправильного или уродливого. Полагаю, я была просто среднестатистической девушкой, юной и милой, но в то время считала себя худшей из худших: уродливой, отвратительной, не подходящей для этого мира. Такой, что привлекать к себе внимание казалось попросту нелепым. Я редко носила украшения, никогда не пользовалась парфюмерией, никогда не красила ногти. Иногда я надевала колечко с крошечным рубином — оно когда-то принадлежало моей матери.

Мои последние дни в образе злой маленькой Эйлин прошли в конце декабря, в суровом холодном городке, где я родилась и выросла. Зимой здесь выпадал снег — добрых три или четыре фута снежного покрова. Он захватывал территорию каждого двора, подступал к карни-

зам окон первого этажа, словно потоп. За день верхний слой снега подтаивал, в сточных канавах хлюпала вода, и ты вспоминал, что жизнь время от времени приносит радость, что солнце все еще светит. Но после полудня солнце скрывалось, и все опять застывало, а на снегу образовывался наст — такой толстый, что к ночи уже способен был выдержать вес взрослого человека. Каждое утро я разбрасывала соль на узкой дорожке, ведущей от переднего крыльца к улице. С козырька над парадной дверью свисали сосульки, и я стояла там, воображая, как они срываются и пронзают мою грудь, пробивают хрящи моих плечевых суставов, подобно пулям, или разносят на кусочки мои череп и мозг. Тротуар от снега расчищали соседи — семейство, к которому мой отец питал глубокое недоверие, потому что они были лютеранами, а он — католиком. Но отец не доверял никому. Он был трусливым и безумным, какими становятся почти все старые пьяницы. На Рождество эти соседи-лютеране оставляли на нашем крыльце белую плетеную корзинку с воощеными яблоками, завернутыми в целлофан, и бутылкой хереса. Я помню открытку с надписью: «Господь да благословит вас обоих».

Кто знал, что творилось в доме, пока я была на работе? Это было трехэтажное здание в колониальном стиле; деревянные наружные стены его побурели от времени, а красная краска отделки осыпалась хлопьями. Я представляю, как мой отец выпивает в честь Рождества подаренный херес и прикуривает от плиты старую сигару. Это забавная картина. Обычно он пил джин, иногда — пиво. Как я уже говорила, отец был пьяницей. В этом с ним было просто. Когда что-то случалось, его легко было отвлечь и утихомирить: я просто давала ему бутылку и выходила из комнаты. Конечно, в молодости его пьянство напрягало меня. Оно делало меня нервной и раздра-

жительной. Так случается, когда живешь в одном доме с алкоголиком. В этом смысле моя история не уникальна. За столько лет я жила со множеством мужчин-алкоголиков, и все они научили меня тому, что беспокоиться бесполезно, спрашивать «почему» бессмысленно, а пытаться им помочь — самоубийственно. Они — те, кто они есть, к худу или к добру. Теперь я живу одна. Живу счастливо. Даже весело. Я слишком стара, чтобы меня заботили проблемы других людей. И я больше не трачу время на раздумья о будущем и на беспокойство о том, что пока еще не случилось. Но когда я была молода, я беспокоилась постоянно — не в последнюю очередь о своем будущем, но в основном в связи с будущим моего отца. Как долго он еще проживет, что он может сделать, что я обнаружу вечером, когда вернусь с работы...

Наш дом был не особо уютным. После смерти моей матери мы так и не разобрали и не выбросили ее вещи, ничего не переставили. Раньше в доме прибиралась только она, и теперь, когда ее не стало, наше жилище сделалось грязным и пыльным, со множеством бесполезных безделушек; все комнаты были забиты вещами, вещами, вещами... И все же оно ощущалось как абсолютно пустое; было похоже на брошенный дом, хозяева которого как-то ночью бежали неведомо куда, подобно евреям или цыганам. Мы практически не пользовались комнатой для отдыха, или столовой, или спальнями наверху. Вещи просто стояли или лежали — и собирали пыль. Журнал, брошенный на подлокотник дивана и забытый на много лет. Конфетница, полная дохлых муравьев. Этот дом вспоминается мне, словно фотографии домов в пустыне, брошенных после ядерных испытаний. Полагаю, вы и сами можете додумать подробности.

Я спала на чердаке, на раскладушке, которую мой отец лет десять назад приобрел для поездки на приро-

ду — куда, конечно же, так и не поехал. Чердак не отделили до конца; это было холодное и пыльное место, куда я ушла, когда моя мать заболела. Спать в моей детской спальне, находившейся рядом с ее комнатой, было невозможно — она всю ночь плакала, кричала и звала меня по имени. На чердаке же было тихо.

Звуки с нижних этажей дома почти не долетали сюда. У моего отца было кресло, которое он перетащил из комнаты отдыха на кухню; в нем и спал. Спинка у кресла откидывалась назад, если потянуть за рычаг, — в те дни, когда он его купил, это была забавная новинка. Но рычаг сломался и больше не работал, и механизм кресла ржавел, застыв в вечной неподвижности. Все в доме было таким же, как это кресло, — угрюмым, сломанным и замершим.

Я помню, как меня радовало, что солнце зимой садится так рано. Под покровом сумрака мне было немного уютнее. Однако мой отец боялся темноты. На словах это может показаться милой причудой, однако оно не было таковой. По ночам он зажигал плиту и духовку, пил и наблюдал за пляской голубого пламени при слабом свете потолочной лампочки. Он вечно жаловался на холод, но всегда одевался легко. Как-то вечером — с которого я начну свое повествование, — я обнаружила его сидящим босиком на ступенях и прихлебывающим херес; в пальцах у него был зажат окурок сигары.

— Бедная Эйлин, — саркастически произнес отец, когда я вошла в дверь.

Он глубоко презирал меня, считал меня жалкой и непривлекательной и без обиняков говорил об этом вслух. Если бы мои тогдашние мечты сбылись, в один прекрасный день я нашла бы его у подножия лестницы со сломанной шеей, но он бы еще дышал. «Как раз вовремя», — сказала бы я самым скучающим тоном, какой

смогла бы изобразить, и бросила бы полный отвращения взгляд на его почти мертвое тело. Да, я ненавидела его, но чувство долга во мне было сильно. В доме нас было только двое — я и отец. У меня есть сестра, и насколько я знаю, она еще жива, но мы с ней не общались уже более пятидесяти лет.

— Привет, пап, — ответила я, поднимаясь мимо него по лестнице.

Он был не особо крупным мужчиной, но у него были широкие плечи и длинные ноги, и в его облике было что-то величественное. Его поредевшие седые волосы были зачесаны от лба к затылку и казались гуще, чем были. Однако выглядел он на десяток-другой лет старше своего подлинного возраста, а лицо его постоянно выражало циничный скептицизм и неодобрение. Сейчас, через столько лет, я понимаю, что он был очень похож на мальчишек-заклученных в той тюрьме, где я работала: такой же обидчивый и сердитый. Его руки все время тряслись, вне зависимости от того, сколько он пил. Он вечно потирал подбородок, красный, морщинистый и обвисший; поглаживал его так, как взрослый может потрепать по макушке мальчишку, назвав его маленьким шельмецом. Отец говорил, что жалеет лишь о том, что так и не сумел отрастить настоящую бороду, хотя очень хотел этого, однако ему не удалось. Он всегда был таким — опечаленным, надменным и нелогичным одновременно. Мне кажется, на самом деле он не любил своих детей. Обручальное кольцо, которое отец продолжал носить много лет после смерти моей матери, наверное, свидетельствовало о том, что он питал хотя бы какую-то любовь к жене. Но я подозреваю, что он не был способен на любовь — подлинную любовь. Он был жесток по натуре. Единственное оправдание ему, которое мне удалось найти, — это картина того, как родители избивали его в

детстве. Это не лучший путь к прощению, но уж какой есть. По крайней мере, это сработало.

Хочу сразу пояснить — это не история о том, как жесток был мой отец. Смысл моего рассказа не в том, чтобы пожаловаться на его жестокость. Но я помню тот день, когда он обернулся, чтобы взглянуть на меня, и поморщился, словно от моего вида ему стало тошно. Я стояла на лестничной площадке, глядя вниз.

— Тебе придется снова выйти из дома, — прохрипел он, — и доехать до «Ларднера».

«Ларднером» назывался винный магазин на другом конце города. Отец выпустил из рук пустую бутылку из-под хереса, и она покатилась вниз по лестнице, подпрыгивая на ступенях.

Сейчас я стала чрезвычайно благоразумной и даже спокойной, но в те дни меня было легко разозлить. Отец постоянно требовал, чтобы я исполняла его приказания, словно горничная или служанка. Однако я была не способна сказать «нет» кому бы то ни было.

— Ладно, — ответила я.

Отец что-то проворчал и затянулся коротким окурком сигары. Когда меня что-то выводило из себя, я находила некоторое успокоение в заботах о своем внешнем виде. На самом деле я была одержима тем, как я выгляжу. Глаза у меня маленькие, зеленого цвета, и вы вряд ли заметили бы в них особую доброту — тем более в те дни. Я не из тех женщин, которые желают постоянно радовать окружающих. Я не мыслю такими категориями. Если бы вы увидели меня тогда — с заколкой в волосах, в тускло-сером шерстяном пальто, — то могли бы счесть меня просто проходным персонажем этого повествования, честным, спокойным, скучным и незначительным. Издали я выглядела застенчивой и мягкосердечной — и временами хотела быть именно такой. Но я довольно часто

вспыхивала, ругалась и потела от злости; и в тот день я захлопнула дверь санузла, пнув ее подошвой ботинка и едва не сорвав с петель. С виду я была скучной, безжизненной, невосприимчивой и равнодушной, но на самом деле я всегда была яростной, озлобленной, мои мысли неслись бурным потоком и часто принимали убийственный оборот. Было легко прятаться за этим тусклым, невыразительным лицом. Я действительно считала, что обманываю всех. И на самом деле я не читала книжек о цветах или о ведении домашнего хозяйства. Я любила книги об ужасных вещах — убийствах, болезнях, смерти. Помню, я взяла в публичной библиотеке один из самых толстых томов — описание египетской медицины, — чтобы побольше узнать о жутких практиках бальзамировщиков, которые вытягивали мозги умерших через нос, словно разматывая клубок пряжи.

Я любила представлять свой мозг именно так — как клубок перепутанной пряжи в моем черепе. Фантазии о том, что мои мозги можно распутать, распрямить и тем самым вернуть в состояние покоя и душевного здоровья, успокаивали меня. Я часто ощущала, что в моем мозгу что-то соединено неправильно, и проблема эта так сложна, что решить ее можно только посредством лоботомии — мне нужен полностью новый разум или полностью новая жизнь. Я могла быть весьма требовательна в своей самооценке. Помимо книг, я любила читать номера журнала «Нэшнл джиогрэфик», которые выписывала по почте. Это была настоящая роскошь, и сам факт получения этих журналов вызывал у меня особое чувство. Меня пленяли статьи, описывавшие наивные верования первобытных племен, их кровавые ритуалы, человеческие жертвоприношения, все это бессмысленное страдание... Вы могли бы назвать меня мрачной и безумной. Но не думаю, что я была столь уж жестока от природы.

Если б я родилась в другой семье, то смогла бы вырасти совершенно нормальной, действовать и чувствовать себя так же, как обычные люди.

Правду сказать, я жаждала наказания. Я была совершенно не против того, что мой отец помыкал мною. Я злилась и ненавидела его, верно, но ярость придавала моей жизни некое подобие смысла, а беготня по его поручениям помогала убить время. Именно так я и представляла себе жизнь — сплошное отбывание приговора, отсчитываемого тиканьем часов.

В тот вечер, выйдя из туалета, я постаралась выглядеть как можно более жалкой и уставшей. Отец нетерпеливо зарычал. Я вздохнула и взяла протянутые им деньги. Потом застегнула пальто. Мне было легче от того, что есть куда пойти, что мне не нужно коротать вечерние часы, расхаживая по чердаку или наблюдая, как мой отец пьет. Больше всего на свете я любила куда-либо выходить из дома.

Если б, оказавшись на крыльце, я захлопнула дверь с такой силой, как мне хотелось, одна из сосулек над головой могла бы неожиданно сорваться. Я представила, как она пролетает сквозь ямку над моей ключицей и вонзается прямо в сердце. Или, если я запрокину голову назад, сосулька, возможно, проткнет мне горло и пройдет прямо через пустой центр моего тела — я любила воображать подобные вещи, — потом пронзит мои внутренности и, наконец, рассечет нижнюю часть туловища пополам, точно стеклянный кинжал. Именно так я в те времена представляла свою анатомию: мозг, подобный спутанному клубку, тело, похожее на пустой сосуд, интимные органы — точно некая чуждая и чужая страна. Но я, конечно же, аккуратно закрыла за собой дверь. На самом деле я не хотела умирать.

Я ездила на старом «Додже» своего отца — с тех пор, как он сам больше не мог водить его. Я любила этот автомобиль. Это был четырехдверный «Коронет», матово-зеленый, весь побитый и исцарапанный. За много лет дно кузова проржавело от льда и соли. В бардачке «Доджа» я хранила мертвую мышь-полевку, которую как-то раз нашла на крыльце — замерзшую, свернувшуюся комочком. Сначала я взяла ее за хвост и подбросила в воздух, потом подхватила и сунула в бардачок вместе со сломанным фонариком, картой автострад Новой Англии и несколькими позеленевшими пятицентовиками. В ту зиму я то и дело посматривала на эту мышь, проверяя признаки разложения, незаметные на таком холоде. Кажется, это каким-то образом позволяло мне чувствовать себя сильнее. Маленький тотем. Талисман на удачу.

Оказавшись снаружи, я проверила температуру воздуха, высунув кончик языка и держа его на ледяном ветру, пока он не начал болеть. Полагаю, в тот вечер температура упала ниже минус десяти по Цельсию. Даже дышать было больно. Но я предпочитала холодную погоду жаркой. Летом я была беспокойной и раздражительной. Я часто дышала и стремилась поваляться в холодной ванне. Я сидела за своим рабочим столом в тюрьме, неистово обмахиваясь бумажным веером. Я не любила потеть на виду у людей. Подобное свидетельство своей плотскости я находила непристойным, отвратительным. Точно так же я не любила танцевать или заниматься спортом. Я не слушала «Битлз» и не смотрела по телевизору «Шоу Эда Салливана»¹. Меня в те поры не интересовали ни развлечения, ни известность. Куда больше мне

¹ «Шоу Эда Салливана» — популярнейшее американское телешоу, транслировавшееся с 1948 по 1971 г.; ведущий — журналист Эд Салливан. В нем, в частности, принимали участие все виднейшие представители рок- и поп-музыки той эпохи.

нравилось читать о древних временах и дальних странах. Понимание того, что сейчас вокруг происходит что-то занятное, заставляло меня ощущать себя жертвой изоляции. А если избегала этого намеренно, я могла считать, что у меня все под контролем.

У «Доджа» было еще одно свойство — во время поездок на нем меня всегда тошнило. Я знала, что с выхлопной системой что-то не в порядке, но в то время я и подумать не могла о том, чтобы как-то справиться с этой проблемой. Отчасти мне даже нравилось кататься с постоянно опущенными стеклами, несмотря на мороз. Я ощущала себя очень храброй. Но на самом деле я боялась, что, если подниму шум из-за неполадок в машине, ее у меня отберут. Эта машина была единственной вещью в моей жизни, которая давала мне хоть какую-то надежду. Это было мое единственное средство побега. До того как уйти на пенсию, мой отец постоянно разъезжал на этом «Додже». Он беспечно раскатывал на нем по городу, парковал на тротуарах, цеплял им углы, бросал с включенным мотором, так что посреди дороги ночью у него заканчивался бензин, царапал машину о грузовик молочника, о стену здания и так далее. В те времена все иногда водили автомобили в пьяном виде, но это его не извиняет. Сама я была законопослушным водителем. Я никогда не превышала скорость и никогда не проскакивала на красный свет. В темное время суток я предпочитала ехать медленно, едва прижимая педаль газа, и смотреть, как город проплывает передо мной, словно в кино. Мне всегда представлялось, что у других людей дома куда уютнее, чем мой собственный, там стоит мебель из полированного дерева, а перед красивыми каминами подвешены чулки для рождественских подарков. В чуланах хранятся жестянки с печеньем, а в гаражах — газонокосилки. В те дни было легко считать, что